

Владимир
ВЕЙХМАН
Израиль

ЛИТКЕ.

ПОРТРЕТ В ИНТЕРЬЕРЕ ЭПОХИ

XVIII

Тридцатитрехлетний капитан 1-го ранга – человек молодой для этого звания – был с интересом и доброжелательством принят и в военноморских, и в научных кругах Санкт-Петербурга. А сам он считал чрезвычайной удачей своей жизни то, что вскоре после завершения кругосветки он мог в Петербурге встретиться с великим немецким ученым-энциклопедистом Александром Гумбольдтом, только что возвратившимся из своего путешествия по России – Уралу, Западной Сибири, побережью Каспия. Им было о чем поговорить: их общими интересами были физика и метеорология, география и этнография, история и языки народов.

В обществе о Федоре Литке сложилось мнение как об исправном служаке, обласканном вниманием императора, и приверженце научным занятиям. Но он был замечен и как завидный жених: худощавое лицо, высокий чистый лоб, пронизательный взгляд глубоко посаженных глаз, в меру пышные прямые усы, подбритые посередине, и пред-

мет особой заботы владельца – тщательно ухоженные бакенбарды. Ему так шел флотский мундир с высоким стоячим воротником.

Литке не торопился искать невесту, он, в сущности, не отдохнув после изнурительного плавания, был занят литературным трудом. Но сосредоточиться на нем не всегда было возможно: прошло едва восемь месяцев после завершения кругосветного путешествия, как Литке был назначен начальником отряда из трех судов – фрегатов «Анна» и «Принц Оранский» и брига «Аякс», отправлявшихся в учебное плавание с гардемаринами Морского кадетского корпуса. Считалось, что там, в суровых водах вблизи Исландии, молодые марсофлотцы смогут пройти хорошую школу морской выучки. Что-то с самого начала не понравилось начальнику, назначенному перед самым выходом отряда: от содержимого отсеков пресной воды шел дурной запах, мыло на корабле было выдано какое-то залежалое, а врача на весь отряд вообще

Окончание. Начало см. в №7-8

не было. Узнав об этом, доктор Мертенс, товарищ и спутник Литке по экспедиции на «Сенявине», напросился в плавание. В Морском министерстве не придали должного значения замечаниям Литке, приняв их за излишнюю придирчивость. К несчастью, худшие опасения Федора Петровича оправдались. На «Принце Оранском», где находился Мертенс, произошла массовая вспышка брюшного тифа. Несмотря на устройство лазаретов и объявленный карантин, полностью одолеть заразу не удалось, и сам Мертенс заболел; через две недели после возвращения в Кронштадт он скончался. Эти события тяжелым камнем легли на сердце Федора Петровича, и в своей книге он посвятил памяти друга проникновенные строки.

Новое поручение императора снова отвлекло Литке от работы над книгой о своем путешествии. В 1830 году вспыхнуло восстание в Царстве Польском против российской власти, превратившееся в полномасштабную войну. Главнокомандующий русской армией генерал-фельдмаршал Дибич надеялся быстро закончить войну, но не придавал должного значения перевозкам продовольствия, необходимого для обеспечения войск, из-за чего кампания затянулась. В мае 1831 года Литке был направлен в Данциг с ответственным заданием: организовать надежное устройство перевозок по Висле и обеспечить надзор за всей продовольственной операцией. Впервые Федор Петрович был назначен выступать в качестве не просто военного моряка, а государственного чиновника, наделенного необходимыми полномочиями.

В Данциге Литке завязал близкое знакомство с российским генеральным консулом Людвигом Тенгоборским, продолжавшееся затем на протяжении многих лет. Тенгоборский деятельно помогал Федору Петровичу в осуществлении возложенной на него миссии. Нередко вечерами Литке с интересом внимал его рассуждениям насчет экономических приоритетов государства. По мнению знатока финансов и экономики, правительство должно поощрять те отрасли производства, которые могут развиваться на базе естественных ресурсов страны. Для России, страны по преимуществу земледельческой, благоденствия следует достичь за счет почвы, изобилующей сырым материалом, без развития мануфактурной промышленности. Литке ему возражал, ссылаясь на известный опыт Англии и Франции, но переубедить собеседника не удавалось.

Осенью до них дошло стихотворение Александра Пушкина, написанное на животрепещущую те-

му – «Клеветникам России». Одновременно пришло и известие, что не все в кругах петербургского общества одобряют эту резкую отповедь защитникам инсургентов. Литке же, обычно сдержанный в выражении чувств, с внутренним восторгом повторял полюбившиеся ему строки:

«...от потрясенного Кремля до стен недвижимого Китая...»

В подтверждение того, что Литке успешно справился с поручением царя, он был награжден орденом Владимира III степени. А еще раньше был награжден орденом Святого Георгия IV степени (за выслугу лет – 18 полугодовых кампаний) и золотым оружием – за 15 лет выслуги.

XIX

«Нет, сосредоточиться на работе над книгой решительно невозможно», – думал Федор Петрович, когда ему было объявлено очередное поручение императора Николая Павловича: сопровождать великих княжон в их поездке на морские купания в германское герцогство Мекленбург. Для этой поездки было выделено единственное паровое судно Балтийского флота – «Ижора», имевшее хоть не очень большой, но зато устойчивый ход – девять узлов при тихой погоде, чего достигал не каждый парусник. А Литке был назначен капитаном этого судна. Незадолго до того он получил светское звание флигель-адъютанта, что давало ему аксельбант на плечо и льготы для производства в чинах.

До Ревеля девочек сопровождал сам император, их отец. Литке чувствовал себя стесненным, хотел этого или нет, – от его искусства кораблевождения зависела судьба августейших особ. Великие княжны, конечно, заметили неловкость капитана; они шушукались между собой, как этот статный моряк молчалив и неопытен в придворных делах. А вообще-то, они были премиленькими – и старшая, тринадцатилетняя Мария, которую сестры и папа иначе как Мэри не называли, и тремя годами младшая Ольга, она же Олли, и особенно семилетняя Александра, которую в семье почему-то называли Адими. Известие о холере в Мекленбурге заставило отказаться от намеченного маршрута, «Ижора» зашла в Ревель, княжны были поселены во дворце Петра I – Екатеринентале, а Литке организовал все обслуживание и даже наставлял кухонный персонал. Распорядительность капитана смущала Юлию Бара-

нову, няню младшей княжны, что также стало предметом перешептывания девчонок.

Литке все-таки закончил свой капитальный трехтомный труд, который получил название «Путешествие вокруг света, совершенное на военном шлюпе «Сенявин» в 1826 – 1829 годах», но впереди было еще много хлопот по подготовке его к изданию и выпуску в свет вместе с атласом. Приложением к «Путешествию» намечено поместить «Из «геогностических» замечаний» Постельса (геогностика – историческая геология) и «О Каролинских островах и жителях этого архипелага» Мертенса. Отдельным изданием должна была выйти работа «Опыты над постоянным маятником, произведенные в путешествии вокруг света на военном шлюпе «Сенявин»».

Занятый обработкой огромного объема полученных в экспедиции научных материалов, Литке передал их часть другим ученым. Академик Ленц поместил в трудах академии статью, написанную по наблюдениям Литке за поведением магнитной стрелки. Гельсингфорский профессор Гельштрем опубликовал статью по его систематическим измерениям в тропических климатах атмосферного давления, температуры воздуха и воды. Китлиц, участник экспедиции на «Сенявине», передал в музей Петербургской Академии наук огромную коллекцию собранных им в путешествии видов птиц и в Германии готовил к изданию альбом своих зарисовок.

Научные заслуги Литке были по достоинству оценены и зарубежной научной общественностью. Еще в 1832 году Королевское географическое общество в Англии избрало его своим почетным членом, за этим последовало признание научными учреждениями других стран.

Но жизнь повернулась к Литке – моряку и ученому – совсем другим боком.

XX

Император Николай, к которому Литке явился по поводу своего представления во флигель-адъютанты, внезапно, как это было у него в обыкновении, предложил Федору Петровичу стать воспитателем своего второго сына, великого князя Константина Николаевича. Что мог Литке ответить на такое предложение? В доли секунды он просчитал возможные варианты ответа. Изъявить согласие? Но его душа моряка и ученого была смущена совершенно чуждой ей перспективой променять честную флотскую службу на интриги и суету двора, с кото-

рыми он уже успел познакомиться, заняться делом, с которым он считал себя вовсе незнакомым. Отказаться? Но не ему ли с первых шагов на флоте ввелась в плоть и кровь заповедь: «На службу не напрашивайся, от службы не отказывайся». Император не мог не оценить дипломатичность ответа новоиспеченного флигель-адъютанта: «Воля Государя для меня закон, и если Его Величеству угодно будет повелеть, то мой долг – повиноваться».

Николай I, самодержец, стремившийся регламентировать, как в армии, все формы общественного устройства, строго регламентировал и воспитание своих детей. Старший сын, Александр, с момента восшествия самого Николая на престол в 1825 году, должен был воспитываться как цесаревич, будущий император Александр II. Предназначением второго сына, великого князя Константина Николаевича, было командовать Военно-морским флотом. С рождения он был записан на военную службу. Ему еще не исполнилось четырех лет, когда отец пожаловал ему звание генерал-адмирала – высший из флотских чинов – и назначил шефом Гвардейского экипажа. Адмиральское звание, дарованное ребенку, по-видимому, следует рассматривать как некий вексель, до предъявления которого к оплате еще нужно дослужиться; в будущем он пройдет всю лестницу Табели о рангах, начиная от мичмана, правда, быстрее, чем простые смертные.

Подчиняясь воле императора, Литке понимал, как он писал в своих записках, что «воспитатель генерал-адмирала должен был натурально быть морской офицер, и Государь изволил остановить свое внимание на мне».

Новый воспитатель терзался сомнениями. Ведь он сам не получил никакого правильного образования – он даже не учился в Морском кадетском корпусе. Да и о своем воспитании он мог сказать мало хорошего: «...Отрок, не знавший никогда ласк, на одиннадцатом году жизни лишавшийся отца, без всякого воспитания и учения, в самые опасные годы юношества окруженный примерами разврата, самых грубых нравов и всякого соблазна». Что к этому добавить? Обучение в скверном пансионе; беспорядочное чтение в доме дядюшки Энгеля... Пожалуй, единственное светлое пятно – пребывание в семье Сульменева, который нанял учителей, познакомивших юношу с основами математики и навигации. Но и их воспитательную роль Федор Петрович оценивал очень невысоко: по его словам, это были дурные учителя, плохо знавшие свое дело.

«Ну, хорошо, – рассуждал Литке, – пусть у меня в жизни не было воспитателей, коих я мог бы брать за образцы. Значит, остается присмотреться к моим сотоварищам по новому моему ремеслу, попытаться перенять их опыт, их методу и принципы».

Воистину было счастьем, что такие сотоварищи были людьми замечательными – это воспитатели старшего сына императора, цесаревича Александра, Карл Карлович Мёрдер и Василий Андреевич Жуковский.

Мёрдер, военная косточка, образцовый русский офицер, «человек добрый и честный» по определению А.С. Пушкина, был извлечен Николаем Павловичем, тогда еще великим князем, из школы гвардейских подпрапорщиков. Карл Мёрдер был там ротным командиром в чине капитана; еще юным корнетом он участвовал в сражениях против Бонапарта, за отвагу был награжден орденом и после тяжелого ранения под Аустерлицем определен по военно-педагогической части. Николай, который был шефом школы, приметил худощавого, подтянутого офицера, с безупречно сидящей на нем военной формой и вдумчивым взглядом умных глаз.

Мёрдер безотлучно находился с наследником, днем и ночью, не ведая ни выходных, ни отпусков. Меньше всего он был похож на начальника; участие в детских играх, в учебе и развлечениях мальчика сделало его сердечным другом Александра, доверявшего воспитателю все свои маленькие тайны. Мёрдер заботился о том, чтобы его воспитанник – будущий самодержец стал профессиональным военным, и добивался овладения им в совершенстве и верховой ездой, и гвардейской выправкой, и умением повелительно и четко отдавать команды строю вытянувшихся во фронт гренадеров.

Но не менее важным Мёрдер считал воспитание в наследнике доброты и чувства сострадания к несчастьям мира сего. Он совершал с ним прогулки по окраинам Петербурга, посещал дома бедных жителей, знакомя с их нуждами и заботами, оказывая вспомоществования из небольших сумм, выделенных отцом на благотворительность.

Василий Андреевич Жуковский, замечательный поэт, ступая на воспитательскую стезю, прежде всего пытался осмыслить свои новые функции и определиться с содержанием понятия «воспитание» вообще. В отличие от практика Мёрдера, он в большей степени был теоретиком, что нашло отражение в его педагогических произведениях. Жуковский разработал для великого князя многолет-

ний «План учения», отвечающий требованиям лучших европейских педагогических систем. Он создал перечень достоинств, которые будущий монарх должен воспитывать в себе (катехизис морали, по выражению самого Жуковского), состоящий, по образцу Моисеевых скрижалей, из десяти заповедей, некоторые из которых в особенности были близки Литке как воспитателю:

«...Уважай закон и научи уважать его своим примером. Закон, пренебрегаемый царем, не будет храним и народом.

...Люби и распространяй просвещение – народ без достоинств, из слепых рабов легче сделать свирепых мятежников, нежели из подданных просвещенных, умеющих ценить благо порядков и законов.

...Властвуй не силою, а порядком: истинное могущество государя не в числе его воинов, а в благоденствии народа.

...Будь верен слову. Без доверенности нет уважения, неуважаемый бессилён.

...Не обманывайся насчет людей и всего земного, но имей в душе идеал прекрасного – верь добродетели».

Литке, который тщательно изучил «План учения» и другие педагогические сочинения Жуковского, мысленно переложил их на воспитание и обучение великого князя Константина. Правда, он был несколько смущен доктринерством своего старшего товарища; конечно, все было правильно, но можно ли втиснуть в десять наставлений все многообразие целей и задач воспитательной деятельности?

В педагогических трудах Жуковского, при всей их убедительности, отсутствовало что-то такое, без чего не может зеленеть вечное древо жизни. Великая княгиня Ольга Николаевна вспоминала о Жуковском: прекрасные намерения, цели, системы, много слов, всё – абстрактные объяснения; и не без ехидства добавляла: «В детях он ничего не понимал».

Впрочем, последнее замечание в некотором смысле может быть отнесено не только к Жуковскому, но и к Литке; по странному совпадению ли, по умыслу ли государя-императора для воспитания еще с малолетства его детей были выбраны люди, ни собственных детей, ни семьи не имевшие.

Что делать с пятилетним мальчиком, Литке поначалу решительно не знал. Впрочем, он быстро сообразил, что, независимо от какой-либо системы, он должен позаботиться о здоровье и физическом развитии ребенка. Тут уж опыта ему было не занимать: важная часть его службы на кораблях бы-

ла уделена предупреждению болезней в экипаже. Прежде всего, он установил точный распорядок дня: когда вставать ото сна, когда ложиться, время завтрака, обеда, ужина было расписано и подлежало неукоснительному выполнению. С утра и потом неоднократно в течение дня – физические упражнения. Как можно большее время было уделено прогулкам на свежем воздухе. Непременное проветривание в спальне, в комнатах для игр и занятий. Никакого принуждения; Литке взял за правило добиваться послушания убеждением и лаской.

Теперь о развитии умственном и духовном. Ежедневные занятия с учителями языков – необременительные, скорее похожие на забавы. Игры со сверстниками, с братьями и сестрами. Непременное общение с папá и мамá, поцелуй и благословение на ночь. А что непонятно – всегда помогут советом Мёрдер и Жуковский. Уф! Кажется, начало есть. Да, еще: неперенные занятия музыкой. Пусть пока великий князь будет простым слушателем прекрасных мелодий Моцарта или Бетховена, а там, Бог даст, сам пристрастится к музицированию, столь необходимому для отдохновения души.

Когда Константину исполнилось восемь лет, начались его регулярные занятия науками, для проведения которых были привлечены лучшие ученые и педагоги. Новые условия – новые сложности. Отношение великого князя к учению не всегда было ровным, хотя, казалось бы, новые знания он воспринимал с интересом.

«Открывается еще один недостаток, – пишет Литке Жуковскому, – который мы до сих пор приписывали возрасту, а теперь уже начинаем почитать органическим – это есть отвращение от всякой головной работы. Что не говорит его воображению, что не действие, не анекдот, то уже ему не нравится. Случится ли, что работа не идет как по маслу, требует размышления, догадки, преодоления трудностей – он сейчас теряет дух, терпение, – и вслед за этим капризы, и не хочет работать. Может показаться противуречием, что виною этому (при нетерпеливом нраве) необыкновенные его способности. Но он так легко все понимает, что учение, по большей части, не стоит ему никакого труда; и от этого он не привыкает к труду. Что же делать? Неужто затруднить учение, чтобы приучить его к труду? – За исключением этого недостатка, должно признаться, что учение идет хорошо».

«Незанятый он мог быть невозможен, – вспоминала о брате Константине великая княжна Ольга. – На все у него всегда был ответ, и его смешные гримасы выводили часто мамá из терпения, и ей при-

ходило бранить его. Он был упрям, и Литке боролся с этим, постоянно его наказывая; но это не было правильным способом воспитания: если бы с ним обращались иначе, его натура могла бы сделаться великой. Он часто днями не разговаривал, таким обиженным и озлобленным чувствовал он себя тем воспитанием, которое применялось к нему».

Ну, насчет наказаний великая княжна, пожалуй, преувеличивала. Литке самого мучил вопрос: наказывать или не наказывать? И если наказывать, то как? В трактатах Жуковского ничего на этот счет нет, а вот как решал эти вопросы умница Мёрдер?

Извольте, вот случаи из его практики воспитания цесаревича, им самим рассказанные:

«Великий князь, полагая, что за ним не наблюдают, схватил Виельгорского (*товарища по играм. – В.В.*) за шею, потряс его и дал ему несколько толчков. Поступок сей вынул меня сделать ему весьма строгий выговор и объявить, что поступком сим он сам себя унижил, ибо выказал гнусное чувство мщения»;

«11 декабря. Весьма хороший день в отношении ученья, можно было бы сказать то же в отношении поведения, если бы я не был принужден сделать строгое замечание великому князю за страсть его к спорам, что показывает желание быть правым, а желание это может быть порождено гордостью, грехом смертельным»;

«11 января. Великий князь не имел времени приготовить урок... он получил отметку хуже, чем его товарищи, за что получил выговор от государя императора, и так как он не выучил урока, то, по нашим правилам, ел один суп»;

«Всю неделю великий князь занимался во время уроков и в приготовительные часы с большим прилежанием. Поведением его я был бы доволен, если бы не приходилось делать ему несколько раз замечаний насчет неуместных шуток».

Однако, когда невыдержанность наследника подчас была несносна, он получал и более строгое наказание. Старшую воспитательницу сестричек, мадам Юлию Баранову, он чуть не в глаза называл дурой; о воспитательнице Адини, прелестной мисс Броун, которую тоже звали Юлией, говорил, что она глупая, а когда однажды в игре он не хотел быть ее партнером, он бросил ей в лицо собачонку. Мисс Юлия никому не пожаловалась, но узнавший об этом безобразном поступке отец наказал негодника, объявив ему 24 часа домашнего ареста.

У Константина до таких выходов не доходило. Но все же Литке пишет Жуковскому о своем воспи-

таннике, что он «...умен. Добр, резв, буффон. Чист как голубь, еще не мудр как змея, но зато упрям, как... уже не знаю, к чему и применить и как называть этот совершенно особенный род своенравия. – Не то чтобы не послушался, не то чтобы сделал то, что запрещено, или не исполнил того, что приказано: а как бы все сделает по-своему... уж коли нельзя на деле, то хоть на словах... настоящий дух отрицания. Не довольно наяву, и во сне он тот же; часто голова его там, где у всякого человека бываюют ноги. Шутки в сторону: выразить нельзя, до какой степени это затрудняет наше дело; просто не знаю иногда, что делать? – Разумеется, что это и на работы имеет влияние...»

А в общем-то, не все так плохо, усилия Литке приносят свои плоды. Три года спустя Федор Петрович уже по-иному отзывается об успехах своего великого князя – он им очень доволен.

Из письма Жуковскому:

«Дай Бог, чтобы я не ошибался; но мне кажется, что рассудок начинает в нем помаленьку оперяться, что легкомыслие и ветреность, до сих пор бывшие безмерными, немного стали полегче. – Со стороны нрава тоже будто замечен некоторый счастливый перелом. Он как будто стал доступнее убеждениям рассудка и чувства. Заметив это, я и сам сообразно тому переменялся и где прежде не мог обойтись без строгости, стал действовать лаской, и покамест с полным успехом. Об одном молю Бога – чтобы это так продолжалось. Тогда исчезнет, может быть, и жесткость и холодность, приводящие меня до сих пор в отчаяние, удастся возбудить в нем теплоту души, отзывчивость. Об этом я более всего думаю и забочусь».

И еще год спустя – снова в письме Жуковскому:

«Педагогическая фабрика все продолжает работать по-старому, не имея даже преимуществ всех других фабрик – представлять цифирью результаты своих работ. – Кажется, что с Божию помощью все идет не худо, – с намерением говорю только не худо, чтобы не ошибиться, потому что, право, иногда становишься в тупик и не знаешь сам, что делать. С одной стороны, кажется, как будто и развиваемся, будто и является что-то похожее на успех, но как подумаешь, с другой стороны, что ведь 16-й год (*великому князю Константину*. – **В.В.**), и как взглянешь на тысячу вещей, против которых и с Вами еще вместе мы боролись и продолжаем ежеминутно бороться, не успев искоренить ни одной, то хоть в отчаяние прийти. – Видишь сердце доброе, наклоности лучшие и тут же какую-то суетность, холодность, бездушные – словом, ум за разум заходит».

В 1835 году императорская чета совершила короткую поездку в Москву. С собой родители взяли Константина и Александру с их воспитателями. Литке как будто впервые разглядел мисс Юлию Броун, служившую воспитательницей великой княжны Адини. Юлия засиделась в невестах – ей шел двадцать пятый год. Федор Петрович, утешая барышню, говорил, что они должны терпеливо нести крест своей педагогической профессии, прощая детям их безвинные и винные шалости. Во время поездки Литке влюбился в мисс Броун; как Адини рассказывала сестрам, «влюбленные никого и ничего, кроме себя самих, не видели». А поэтому для великой княжны это были лучшие дни ее жизни, так как она совершенно была предоставлена самой себе. Пылкая любовь соединяла сердца воспитателя и воспитательницы, и они поженились.

XXI

Литке обладал несомненным литературным даром, о чем свидетельствует та легкость, с которой читаются его описания путешествий, их наглядность и увлекательность, а его письма к Жуковскому – воистину образец эпистолярного стиля. О переводе Жуковским «Одиссеи» он пишет, что читал его «с большим наслаждением», «с большим вниманием и по большей части вслух», и даже обращает внимание Василия Андреевича на некоторые погрешности в стихотворном размере перевода. Удивительно, что эти замечания делает не профессиональный литератор, а моряк, которому, казалось бы, вовсе ни к чему вникать в такие тонкости.

Гибель Пушкина, о которой Литке узнал от самого царя, потрясла его как глубокая личная трагедия. Он записывает в дневнике:

«29 января. Пушкин умер в 3 часа дня... Говорят много вещей, но лучше забыть их и думать только о том, что померкла на горизонте литературы нашей звезда первой величины!..»

Наконец-то было завершено печатание главного труда жизни мореплавателя – «Путешествие вокруг света, совершенное по повелению государя императора Николая I на военном шлюпе «Сенявин» в 1826, 1827, 1828 и 1829 гг. флота капитаном Федором Литке». А Петербургская Академия наук присудила Литке Демидовскую премию по географии – высшую награду российских ученых, которую уральский промышленник, камергер императорского двора Павел Николаевич Демидов учре-

дил, «желая содействовать преуспеянию наук, словесности и промышленности в своём отечестве». «Полной» премией (т. е. как бы первой степени), составлявшей пять тысяч рублей государственными ассигнациями, был отмечен цикл магнитных исследований во время плавания на «Сенявине».

Великий князь Константин в семилетнем возрасте получил чин мичмана, а свое первое морское путешествие совершил в возрасте восьми лет на пароходе из Кронштадта в Данциг. Затем каждый год – короткие выходы на Балтику – так две-три недели. Ежегодные летние плавания должны были стать отличной школой для молодого человека, предназначенного стать главой российского военного флота. Литке писал Жуковскому: «Наши морские вояжи? Право, здоровье для души и тела. Молодой человек привыкает к порядку, к лишениям и к подчинению себя долгу. – Немножко морского духу, морской прямоты для Принца не лишнее. – Видеть свет со всех сторон – тоже недурно».

Уроки – зимой, а каждое лето – плавание под руководством Федора Петровича – то, что мы сейчас назвали бы плавательной практикой. В плаваниях под парусами по Балтике великий князь обошел со своим наставником шхеры, бухты и острова Финского залива, вникая в малейшие подробности. Вместе с матросами он тянул фалы и шкоты, стоял на штурвале, изо всех своих мальчишеских силенок упирался в вымбовку – деревянный рычаг, посредством которых крутили неподатливый кабестан – механизм для выборки якоря. Наконец Федор Петрович разрешил ему подняться на мачту, правда, пока всего лишь до нижней, марсовой площадки, да под надежной страховкой двух дюжих боцманов, но зато какое удовольствие было осматривать с высоты горизонт, простирающийся далеко-далеко, наверное, до самой небесной тверди.

Литке убедил императора в необходимости назначить ему помощника по исполнению обязанностей воспитателя и, получив согласие, сам же предложил кандидатуру своего давнего товарища Феопемпта Лутковского. Николай недовольно поморщился: обладая прекрасной памятью, он помнил, что Лутковский подозревался в сношениях с мятежниками 25 декабря, за что был удален из столицы на юг. Но Литке продолжал настаивать, уверяя, что для воспитания генерал-адмирала лучшего моряка, чем этот капитан-лейтенант, не сыскать. Император согласился, и Лутковский занял должность начальника штаба отряда, плавающего с великим князем. Он пов-

сюду сопровождал Константина Николаевича и стал достойным напарником Литке.

В 1841 году Константин Николаевич на судах, которыми командовал Литке, совершил плавание уже до берегов Нидерландов. А на следующий год отряд прошел весь Ботнический залив, возвратился в Кронштадт и снова отправился в вояж, выйдя в пролив Каттегат через Большой Бельт и вернувшись на Балтику через пролив Зунд, по пути посетив замок принца Гамлета в Эльсиноре и датскую столицу Копенгаген.

Литке, не обойденный царем наградами и рангами, получил сначала чин контр-адмирала, а затем почетное свитское звание генерал-адъютанта, награжденный орденом Анны I степени, все-таки неуютно чувствовал себя во дворце, где шла светская жизнь, к которой он так и не смог привыкнуть. Его подлинные чувства редко прорывались через маску светских приличий. О дворцовой обстановке он писал Жуковскому как близкому другу: «Я никогда не чувствовал себя совершенно at – home (дома. – **В.В.**) в этом мире – ни мир не был совершенно по мне, ни я по миру». То ли дело на корабле. Вырвавшись на флот хотя бы на несколько коротких летних недель, он снова вступал в простые и ясные отношения с окружающими его на кораблях людьми, внимал бесхитроственному языку морских сигналов, ощущал в руке привычную тяжесть секстана и отсчитывал удары надежного хронометра.

Старший сын Федора Петровича родился в 1837 году и был назван Константином в честь августейшего воспитанника. В этом году Литке держал флаг на фрегате «Аврора» и возглавлял отряд судов, на котором вместе с десятилетним великим князем совершил трехнедельное плавание из Кронштадта до полуострова Ютландия, разделяющего Балтийское и Северное моря, и возвратился в Кронштадт. Два года спустя родился младший сын – Николай, названный, конечно, в честь государя императора.

Казалось бы, всё благополучно в семье контр-адмирала Литке – любимая жена, замечательные мальчишки, живи и радуйся. Пусть удавалось находить хоть минутки – и минутки только! – чтобы отдохнуть с женой и сынишками. Он пишет Жуковскому: «Мальчишки мои растут и утешают нас; добрая жена моя чувствует себя ныне лучше прошлогоднего. – Как понятно для меня все, что Вы говорите о Вашем домашнем счастье – как понятно это одно желание, чтобы оно только не переменялось; и я другого желанья в жизни не

имею». И еще: «В моем собственном уголке все благодаря Богу здорово, старшего моего мальчишку начинаю я уже учить грамоте». В другом письме: «Счастье отцовское ни с каким другим в мире сравниться не может; по общественному, нравственному закону человечества неразлучны с ним и заботы столь же великие; но как сладки и заботы эти, и самые страдания и пожертвования, которых эти маленькие существа нам стоят, делают их нам дороже».

Но фортуна нанесла такой жестокий удар, от которого не всякий, даже очень сильный человек может оправиться. В августе 1843 года умерла при родах Юлия, а следом за нею – новорожденная дочь.

Горе, постигшее адмирала, было безмерно и усугублялось мыслями о том, что над родом Литке висит какое-то проклятье: ведь мать Федора Петровича умерла при его родах, и вот теперь также при родах ушла из жизни в мучениях мать его детей. Разве мог утешить дарованный царем чин вице-адмирала? Ни забвения, ни утешения нельзя было найти в работе, которую Литке все больше взваливал на себя. Даже не сразу он нашел в себе силы поделиться несчастьем с верным другом, Василием Андреевичем:

«...С тех пор как к Вам не писал, я был жестоко посещен Судьбою. – Все видели счастье мое семейное, – истинное счастье в сей жизни – разрушенным невозвратно; знаю, что я после того большую часть моего времени провел в странствиях по морю и по суше, спутником главной моей планеты и убедился, что и самая напряженная деятельность, наполняющая на худую минуту жизни, не в состоянии наполнить пустоты, оставляемые в душе жестокими потерями...»

Положение при дворе по-прежнему вызывало скрытое раздражение адмирала. Вроде бы и чин высокий, и рядом с государем императором, а все-таки не свободный человек, вольный распоряжаться сам собой, а кто-то вроде прислуги или повара. Разные мелочи, в других обстоятельствах, может быть, оставшиеся незаметными, напоминали о грани между членами императорской фамилии и обслугой, к которой он, в сущности, был причислен. Предоставленные ему апартаменты в Гатчинском дворце, куда он выехал на лето вместе со своим воспитанником, произвели на него удручающее впечатление: «Вот что заменило нам наше доброе Царское Село – мрачное угрюмое место, дурные неприятные помещения. Мне отведены комнаты в 3-м этаже, в три аршина

вышиною, с окнами на полу, без света и воздуха и без малейших удобств».

XXII

В наступившем 1844 году Литке всей душой погрузился в организацию углубленной морской подготовки своего подопечного, получившего флотское звание лейтенанта, а затем капитан-лейтенанта. На пароходе «Ладога» они поднялись вверх по Неве и по Онежскому озеру перешли к Петрозаводску. Так интересно было наблюдать, как вдоль бортов бегут зеленые берега. На литейном заводе его императорскому высочеству была продемонстрирована пальба из отлитых там пушек; посуху добрались до Северной Двины и снова на пароходе дошли по реке до Архангельска. Там уже ждал отряд из построенных на местной верфи и снаряженных к плаванию судов – 74-пушечный корабль «Ингерманланд» и фрегат «Константин». Литке казалось, что он мог бы с закрытыми глазами провести суда по пути, досконально изученному еще в молодые годы, во время новоземельских экспедиций. Отраднo было узнавать знакомые места и грустно, что прежние годы безвозвратно ушли. Иная молодость пришла на смену. Семнадцатилетний великий князь, трепещущий, как застоявшийся резвый жеребец, только что не бил копытом от нетерпения, впервые исполняя обязанности командира фок-мачты и вахтенного офицера. Кончилась игра в матросики, началась настоящая морская служба (конечно, под неусыпным приглядом Литке и Лутковского).

Путь на Балтику, в Кронштадт лежал через спокойные моря – Белое, Баренцево, Норвежское, Северное, с единственным заходом – в Копенгаген. Довелось и хлебнуть соленого норд-веста, и зарываться бушпритом в крутую волну, и подниматься на раскачивающуюся, подобно маятнику, мачту – словом, всего за месяц испытать всё, что знатоки называли емким словом «оморячиться».

Учебные занятия великого князя были прерваны на целый год; он отправился со своим наставником в плавание вокруг Европы. Заходы в Англию, Испанию и Францию, крейсирование с отрядом по Черному и Эгейскому морям, к Греческому архипелагу, посещение порта Николаев и турецкого Константинополя заняло восемь с лишним месяцев.

Литке был доволен морской выучкой своего воспитанника, уже исполнявшего должность старшего офицера на корвете «Менелай» и фрегате

«Флора», а затем принявшего под свое командование фрегат «Паллада».

С адмиралом Литке в плавание отправился Иван Константинович Айвазовский, официально назначенный живописцем Главного морского штаба (правда, без зарплаты). Он еще в 1836 году, девятнадцатилетним юношей, был прикомандирован в качестве художника на корабли Балтийского флота, где тогда великий князь Константин Николаевич совершал учебное плавание со своим наставником. Певец моря тогда познакомился со знаменитым мореплавателем, общение с которым всю жизнь будет обогащать его новыми знаниями и впечатлениями. В этот раз Айвазовский выполнил целый альбом карандашных рисунков – картины он писал только в мастерской, но, возвратившись в родную Феодосию, создал большое количество превосходных картин, навеянных путешествием.

9 сентября 1847 года Константину Николаевичу исполнилось 20 лет, то есть он достиг совершеннолетия и более не нуждался в воспитателе. Император оставил Литке при нем попечителем, и в этом качестве ему предстояло заботиться об интересах, нуждах или потребностях великого князя. Уже на следующий день Федор Петрович пишет Жуковскому:

«Вчера переступил наш воспитанник через эту важную грань в его жизни; – важную для него, но важную и для меня, посвятившего 15 лет своей жизни на его образование... Невольно спрашиваешь только себя: какой же положительный результат этих 15 лет моей работы? Спрашиваешь и сам не знаешь, что ответить. Вот перед нами молодой человек целиком, со всеми его достоинствами и недостатками. Кто решится сказать, что в этом общем итоге принадлежит воспитанию положительно, что развилось мимо его; или даже вопреки ему? В особенности – разгадать или открыть, что воспитание в этом общем явлении отвратило или предупредило? – Принявшись как новичок за дело, совершенно мне чуждое, по воле Царской, я добросовестно (и Вы, Василий Андреевич, засвидетельствуете) старался в него вникнуть, обдумывая каждый шаг; сравнивая предпринятое с результатами и последствиями, прихожу к выводу, в котором боюсь почти признаться – но перед Вами можно... что воспитание может дерзнуть приписать себе... предупреждение дурного, которое без нас могло произойти; и что я охотно откажусь от всякого участия в достоинствах воспитанника, лишь бы не приписывали мне недостатков его. Воспитание как в том, так и в другом равно не грешно. – Сколько седых волос, сколько

ко дурной крови, сколько лет жизни стоило мне неведение важной истины, что роль воспитателя, по крайней мере, у Принца, должна быть главнейшей пассивная, предостерегательная...»

В связи с окончанием службы по воспитанию великого князя Константина Николаевича Литке был осыпан царскими наградами. Он получил орден Владимира II степени, ему была назначена пенсия по 4000 рублей серебром в год сроком на 50 лет и вручена табакерка с портретом государя и алмазными знаками с рескриптом о Высочайшем благоволении. Иностранных орденов к этому времени накопился уже целый десяток: и прусский Красного Орла, и французский Почетного Легиона, и саксен-веймарский Белого Сокола... «Эк, сколько наград, – думал Литке, – уже и вешать некуда... Да, не забыть бы еще и российские ордена Станислава, Белого Орла...»

Думается, что Федора Петровича заметно уменьшала свою роль в воспитании великого князя Константина Николаевича, генерал-адмирала, будущего руководителя и замечательного реформатора российского флота. Среди выдающихся заслуг воспитанника – воссоздание военно-морских сил России после жесточайшего поражения в Крымской войне, создание броненосного флота винтовых кораблей, вооруженных нарезными орудиями вместо гладкоствольных чугунных пушек. Под его руководством был разработан новый Морской устав, отвечавший последним требованиям войны на море, радикально сокращены нестроевые команды и береговые службы, висевшие, как гири, на ногах флота и без пользы поглощавшие средства, отпущенные на его содержание и развитие. Русские эскадры вышли в Атлантический и Тихий океаны. Константин Николаевич отменил на флоте телесные наказания и был одним из инициаторов судебной реформы, установившей состязательность сторон и гласность судопроизводства.

Он возглавлял комитет, готовивший освобождение крестьян от крепостной зависимости, и был достойным соратником своего старшего брата, Александра II, царя-реформатора.

Новому царю, Александру III, не были нужны реформаторы у рычагов власти, и он отправил своего дядю Костю в отставку, сохранив за ним только декоративный пост члена Государственного совета.

Когда истек срок попечительства Литке над Константином Николаевичем, он получил от великого князя трогательное письмо:

«...Вы всегда останетесь для меня мой старый

Федор Петрович, с которым я непрерывно провел 16 лет, и если Господь Бог меня удостоит хоть чем-нибудь быть полезным флоту в его теперешнем положении, то, разумеется, Вы тому главная причина...»

Получив это послание, адмирал задумался. Сколько раз он сетовал Жуковскому на леность своего воспитанника в писании писем: «...Константин Николаевич давно собирается к Вам писать, но не соберется...»; «...Генерал-адмирал писал к Вам, впрочем, с вояжа раз или даже, как он уверяет, два...»; «Не хотелось отвечать прежде моего В. Князя, не хотелось и понукать его слишком... а он, мой голубчик... тяжеловат на подъем. Таким образом проходили неделя за неделей...»

«Я и вправду стал стареть, – думал адмирал. – Так хочется верить, что мой голубчик написал письмо не по казенной надобности, а по велению сердца – и дай ему Бог здоровья!»

XXIII

В первой половине XIX века в научных учреждениях ведущих европейских государств сложилась ситуация, которая не могла удовлетворить возросшие к этому времени потребности промышленности, транспорта, земледелия, торговли в сборе и распространении географических сведений о своей стране и других странах мира, в решении методологических проблем географической науки и ее прикладных задач. В связи с этим в ряде стран (Франция, Германия, Англия) возникли географические общества как добровольные объединения специалистов и любителей географии, деятельность которых не была скована жесткими рамками академической науки.

Конечно, неправильно было бы рассматривать географические общества как просто «собрания людей по интересам» или как организации, противостоящие официальной науке и оторванные от нее. Они способствовали вовлечению в сферу добытия и распространения географических знаний более широкого круга людей, чем это могли позволить себе академии, проявлять большую гибкость в популяризации наук о Земле, делать, в конце концов, географические исследования менее затратными.

Необходимость создания в России организации, подобной Лондонскому географическому обществу, обсуждалась еще в 1843 году в кружке, группировавшемся вокруг академика Петра Ива-

новича Кёппена, автора трудов по статистике и географии. Эту идею активно поддержал биолог Карл Максимович Бэр, член-корреспондент Петербургской академии наук. Он обследовал острова Финского залива и Кольский полуостров и был первым натуралистом, совершившим путешествие на Новую Землю.

Считается, что переход от общей идеи к проведению конкретных организационных мер совершился не на заседании научного кружка, а на банкете, который был дан в 1845 году в честь естествоиспытателя Александра Федоровича Миддендорфа, возвратившегося из экспедиции по Восточной Сибири. На этом торжественном обеде нашли время переговорить между собой Бэр, Литке и старый друг Федора Петровича, контр-адмирал Фердинанд Петрович Врангель.

Литке взял на себя решение основных организационных вопросов. Он написал докладную записку министру внутренних дел, в которой необходимость создания нового общества обосновывалась обширностью пространств России и их малой изученностью. Основная цель общества определялась как изучение «родной земли и людей, её обитающих». Литке подготовил проект устава, который предусматривал создание в обществе четырех отделений: общей географии, под которой подразумевалось изучение зарубежных стран, географии России, статистики России и этнографии России. «Другие, – по словам Александра Васильевича Никитенко, профессора Петербургского университета и известного цензора, – утверждают, что без него устав не был бы утвержден, так как в него хотели впести много не относящихся к делу нелепостей, и обществу угрожала гибель в самом зародыше».

6 сентября 1845 года император дал согласие на учреждение общества, которое получило название «Русское географическое общество»; этот день считается датой его основания. В число членов-учредителей, кроме уже названных, вошло целое созвездие носителей блестящих имен:

Федор Федорович Берг, генерал от инфантерии, возглавлявший экспедиции в Среднюю Азию, в качестве генерал-квартирмейстера Главного штаба руководил геодезическими и картографическими работами в России;

Эмилий Христианович Ленц, знаменитый физик, академик, участник кругосветного плавания на шлюпе «Предприятие» и первого восхождения на Эльбрус, автор многочисленных научных исследований по физической географии;

Петр Иванович Рикорд, адмирал, участник кругосветного плавания и многих морских кампаний, в течение пяти лет управлявший Камчаткой и улучшивший ее положение, вице-президент Вольного экономического общества;

Иван Федорович Крузенштерн, адмирал, почетный член Петербургской академии наук, первый русский плаватель вокруг света, создатель «Атласа Южного моря»;

Василий Яковлевич Струве, академик, первый директор Пулковской обсерватории;

Владимир Иванович Даль, член-корреспондент Петербургской академии наук, врач, естествоиспытатель, писатель, этнограф, лингвист.

19 сентября 1845 года на квартире Даля состоялось первое собрание членов-учредителей. Правда, на собрании присутствовали только восемь человек из общего числа 17 учредителей, но это не помешало им составить список действительных членов общества в количестве уже 51 человека. А через несколько дней были собраны на первое заседание все действительные члены общества, кто мог прийти. Литке председательствовал на этом заседании и выступил с программной речью. Восемнадцатилетний великий князь Константин Николаевич согласился возглавить общество («удостоил общество принятием на себя звания председателя»), а Федор Петрович был единогласно избран помощником председателя и стал, так сказать, рабочей лошадкой общества (через сто лет эти должности стали соответственно называть «президент» и «вице-президент»). В качестве фактического руководителя Русского географического общества Литке пробыл с 1845 по 1850 и с 1857 по 1873 год. Конечно, покровительство великого князя, к тому же ученика и воспитанника Федора Петровича, облегчало деятельность общества.

Лучшие умы России – ученые, путешественники, моряки, известные литераторы, государственные деятели – почитали за честь быть членами Географического общества и с сентября по май, в первую среду каждого месяца, съезжались к восьми часам вечера на его собрания. На собраниях общества, заседаниях его совета и отделений заслушивались сообщения по самому широкому кругу вопросов, имеющих отношение к географии, – от описания восточного берега Каспийского моря до программы обозрения внутренней торговли России.

По прослушанным сообщениям обыкновенно принималось решение – изъявить благодарность общества, по части из них – передать в редакцию «Географических известий».

Но бывали и исключения, свидетельствующие о том, что общество весьма критично подходило к оценке представляемых ему материалов. Так, в конце 1849 года на заседании совета общества рассматривалось сообщение о представленном известным журналистом, редактором «Отечественных записок», Андреем Александровичем Краевским «Словаре иностранных слов». Рецензенты заявили буквально следующее: «Издание означенного словаря, по отсутствию в нем всякой системы в выборе слов и по неправильной и произвольной транскрипции иностранных имен русскими буквами, не может принести пользы ни географии, ни какой-либо другой отрасли знания».

Главнейшим достижением Географического общества под руководством Литке была организация экспедиций для постижения как огромных просторов Российской империи, так и зарубежных стран. Финансирование экспедиций осуществлялось, как правило, правительством, что свидетельствовало о том, какое большое практическое значение для государства имел этот вид деятельности общественной организации.

Одним из первых предприятий общества была экспедиция на северный Урал, обследовавшая его протяжение от северной части Пермской губернии до не посещавшейся ранее полярной части.

Сибирская экспедиция не только обследовала Восточную Сибирь, но и принесла первые достоверные сведения о неизвестном доселе Амурском крае.

Экспедиции в Среднюю и Центральную Азию обогатили науку ценнейшими сведениями, открыв миру никем до сих пор не обследованные огромные пространства.

Литке предлагал отправить экспедицию для географических и этнографических наблюдений к Берингову морю и на острова Алеутские и Курильские «как места мало известные, но замечательные во всех отношениях»; в особенности его интересовало изучение вулканической деятельности и племенные различия обитателей тех краев. К сожалению, тогда это предприятие не удалось осуществить.

Периодические издания общества – его «Записки» и «Географические известия» – отличались не только богатством содержания, но и оперативностью их выхода и тщательной редакторской подготовкой. Сколько бы ни стараться, вряд ли удастся обнаружить на их страницах хоть одну опечатку или стилистическую небрежность.

Непрерывно шло пополнение научной библиотеки общества книгами на русском и иностран-

ных языках, картами, планами. Члены общества, его высокие покровители и просто любители географии передавали в библиотеку и свои труды, и хранившиеся у них раритеты, так что уникальный книжный фонд охватывал географию и физическую, и экономическую, и краеведение, и гидрографию, и астрономогеодезию, и многие другие отрасли знания.

Научный архив с самого момента основания Русского географического общества пополнялся документами, касающимися его деятельности, рукописями его членов, картинами и рисунками, а впоследствии – именными личными фондами участников общества.

Благодаря Федору Петровичу Литке, возглавлявшему в течение многих лет Русское географическое общество, в России поднялась на высший мировой уровень научная школа географов, славная такими именами, как ботаник Петр Петрович Семенов-Тянь-Шанский, метеоролог Александр Иванович Воейков, гидрограф Андрей Ипполитович Вилькицкий и их продолжатели и последователи.

В 1873 году Русское географическое общество учредило Большую золотую медаль имени Литке, которая до сей поры присуждается за выдающиеся географические исследования.

XXIV

А прервалось вице-президентство Литке в Русском географическом обществе совершенно неожиданно. Среди членов общества исподволь образовалась «русская партия», участники которой выражали недовольство засильем в руководстве лиц с немецкими фамилиями. Никаких конкретных обвинений «патриоты» не могли предъявить Литке, но ходил слух об его самовластии и даже жестокости, с которыми он продвигал составленный им устав общества.

Годичное собрание Географического общества по выбору нового состава членов правления состоялось 22 февраля 1850 года; председательствовал на нем сам великий князь Константин Николаевич. Больше всего участников собрания занимал вопрос о выборах вице-президента; казалось бы, само собой очевидным было переизбрание в этой должности самого Литке. Однако голосование показало иное. Из ста тридцати действительных членов общества за кандидатуру Литке проголосовало шестьдесят четыре, за сенатора Муравьева – шестьдесят один, а еще три голоса

были отданы за сенатора Мусина-Пушкина. Так как никакая кандидатура не получила абсолютного большинства, состоялась перебаллотировка, на этот раз записочками. В ней Литке получил шестьдесят три голоса, а Муравьев – шестьдесят пять и был объявлен избранным. В своем дневнике Никитенко продолжает: «Так называемая русская партия восторжествовала. Вот в чем ее торжество: в оказании величайшей несправедливости. Литке создал общество, лелеял его и поставил на ноги. Он в этом деле специальное ученое лицо; имя его известно и в Европе. А Муравьев чем известен? Он был где-то губернатором...»

XXV

Еще в 1827 году при образовании Морского министерства в его составе был образован ученый комитет, на который возлагалось изучение и обсуждение новых достижений в военно-морском деле, включая кораблестроение, в России и за рубежом, издание книг и записок, разработка предложений по воплощению этих предложений на флоте. Возглавлял комитет генерал-лейтенант Логин Иванович Голенищев-Кутузов. После его смерти в 1846 году руководство комитетом было возложено на вице-адмирала Литке.

Литке, едва вернувшийся из плавания в Средиземное море, снова отправился командовать отрядом судов, возглавлявшимся фрегатом «Паллада», в плавании из Англии до Кронштадта и не мог уделять должного внимания своему новому назначению.

Но вот закончился срок его службы воспитателем Константина Николаевича, Литке назначен попечителем великого князя – должность, не требующая его ежедневного общения с подопечным. И за день до назначения Литке попечителем, 24 ноября 1847 года, император издает указ, по которому вместо прежнего учреждения создается новое – Морской ученый комитет, председателем которого остается Федор Петрович. Есть все основания считать, что сам Литке был инициатором образования нового комитета с новой структурой и более широкими функциями.

Не прошло и месяца со дня создания комитета, как указом по Морскому министерству были утверждены предложенные председателем кандидатуры адмиралов и штаб-офицеров – неперменных членов комитета.

На своих заседаниях чаще всего Морской науч-

ный комитет рассматривал опубликованные в зарубежных изданиях изобретения и другие технические предложения на предмет возможности их применения на Российском флоте. Одни из них представляли живой практический интерес, например, «морской лот французского офицера Я.Фердинанда», «системы дневных и ночных сигналов француза Кулье», «образцы блоков американца Торненра». Другие больше вызывали изумление необъятностью фантазии их авторов: «качающаяся каюта, изобретенная в Германии», «паровая машина, действующая на водяных парах и хлороформе, французов Лекюсьера и Пеляро», «подводный телескоп и подводный фонарь американца В.Дея».

Российские авторы, как правило, отличались весьма большей практичностью. К таким проектам, в частности, отсылались «платформы для обучения команды артиллерийской стрельбе вице-адмирала М.П. Лазарева», «предохранительные корабельные плоты», «способ подъема корабля для ремонта подводной части».

Иногда предложения выходили за рамки непосредственной компетенции флотского руководства: «способ изготовления винного уксуса жителя Новгородской губернии Трусова», «проект сахарного завода и тестомесильной машины капитан-лейтенанта Гарнака», «способ определения качества муки химика Донни».

Были и довольно странные предложения: «способ стрельбы из орудий под водой», «способ начинки ядер удушливым дымом» «модель часов с заводом на 25 лет крестьянина М.И. Котина». «К чему, – гадали члены комитета, – такие часы на боевых кораблях и где гарантия того, что их и в самом деле не потребуются заводить четверть века?»

Но больше всего члены комитета страдали от необходимости рассматривать проекты, которыми заваливали комитет авторы, страдавшие изобретательским зудом. Особенно донимал титулярный советник Шенгелидзе. Этот Шенгелидзе учился в Московском университетском благородном пансионе одновременно с Михаилом Юрьевичем Лермонтовым и, отличаясь каллиграфическим искусством, даже переписывал его стихотворения в рукописный журнал «Улей». По свидетельству их общего товарища Дмитрия Милютина, в будущем военного министра при Александре II, Шенгелидзе обладал незаурядным математическим дарованием и с увлечением изучал механику. Но, по-видимому, повзрослев, он переоценивал свои познания в этих и других науках и не давал скучать

Морскому ученому комитету, изумляя его своими предложениями: «проект о воздушных резервуарах для спасения кораблей от гибели», «проект о движении кораблей в штиль против ветра», «раздвижной киль титулярного советника И.П. Шенгелидзева», «новый механизм, приводящий в движение небольшое судно». При рассмотрении очередного проекта Литке старался скрывать накапливающееся раздражение и не отвергать с порога сочинения титулярного советника: не ровен час пожалуется генерал-адмиралу или, страшно подумать, самому государю императору, а мы-то, не дай бог, просмотрели в этой писанине какое-нибудь рациональное зерно.

Литке даже не представлял себе, насколько он был недалек от истины. У Леонтия Васильевича Дубельта, начальника штаба корпуса жандармов и управляющего III отделением Собственной Его императорского величества канцелярии (называемым в просторечии «охранкой»), было странное обыкновение платить доносчикам по 30 рублей за донос, непременно серебром, видимо, намекая на 30 сребреников Иуды. В его секретных «Записках для сведения» содержалась такая запись за 1849 год:

«Граф Орлов прислал из Москвы проект титулярного советника Шенгелидзева, который впоследствии доставит государству миллионы дохода. Проект заключается в том, чтобы наше правительство переселило в Россию из иностранных государств всех пролетариев, от которых происходят смуты в Европе (*речь идет о европейских революциях 1848 – 1849 гг. – В.В.*). Денежные же средства для сего, по его мнению, можно приобрести чрез выпуск новых серий государственных кредитных билетов... За это просит только 25 тысяч рублей серебром теперь и часть постоянного дохода, который от них извлечен будет впоследствии».

XXVI

Федора Петровича Литке, вставшего во главе Морского ученого комитета, не устраивало сложившееся десятилетиями положение, при котором комитет фактически был отгорожен от каждодневной деятельности Военно-морского флота. Не существовало каналов, через которые обильная информация, проходившая через ученый комитет, доходила бы до офицеров флота и других заинтересованных лиц, которым она мог-

ла бы быть полезна. Не было и устойчивых каналов обратной связи, через которые можно было отслеживать нужды флота и настроения его офицеров, обмениваться мнениями по различным проблемам морской жизни и деятельности. «Записки ученого комитета» не в счет; они грешили тяжеловесной научностью и неторопливостью издания.

Выход из сложившегося положения Федор Петрович нашел в издании журнала – периодического издания наподобие журналов литературно-художественных, пользующихся большим спросом у читающей публики. Разумеется, стремиться к художественности в ущерб утилитарной полезности не следовало, но нужно было иметь в виду стиль, обеспечивающий легкость для чтения и даже некоторую развлекательность содержания. Над названием журнала долго не раздумывали; решили, что оно должно быть простым и емким. Перебрали названия издающихся в России журналов: «Русский телеграф»; «Отечественные записки»; «Маяк просвещения»... Конечно, по поводу последнего издания вспомнили даже эпиграмму Соболевского:

*Просвещения «Маяк»
Издаёт большой дурак,
Помогает дурачок
По прозванью Бурачок.*

Не брать же пример с этого названия, хоть и совершенно морского. Как-то само собою прозвучало вроде бы и не название, а определение вида издания: «Морской сборник». «Попадание в десятку», – оценил Литке.

«Сборник» начал издаваться с 1848 года. В первом номере журнала Федор Петрович обратился к служащим Морского ведомства и старым морякам с призывом «считать «Морской сборник» своим журналом, который бы давал им возможность следить за всем, что совершается в мире их деятельности, которому они без робости могли бы доверить свои собственные, посильные, не многотрудные произведения, не довольно важные, чтобы занять место в «Ученых записках», но драгоценные, может быть, для их собратьев».

Редактировал журнал боевой моряк, участник кругосветной экспедиции под командованием Литке в 1826–1829 годах капитан 1-го ранга барон Богдан Александрович фон Глазенап. На него председатель комитета мог полностью положиться.

Первые выпуски журнала были тоненькими книжками с весьма пестрым содержанием: пере-

водные статьи по морской тематике, очерки из истории флота («Суд над вице-адмиралом Крюсом 1713 года», «Первый яхт-клуб в России»), практические рекомендации («Сведения по окраске судов», «Определение качеств красок»), просто всякая всячина («Список лицам и местам, получившим в потомственное владение суда»). Но даже при этих нетвердых первых шагах еще «неоперившегося» журнала спрос на него превзошел робкие ожидания: первоначальный тираж в 400 экземпляров вскоре был увеличен вдвое и втрое. Одно время для морских офицеров даже была введена обязательная подписка на «Морской сборник».

Великий князь Константин Николаевич принял от Литке опеку над изданием «Морского сборника» и предложил целую программу его «значительных улучшений». «Цель наша... – писал Константин Николаевич, – знакомить Россию с флотом, возбуждать к нему уважение и привязанность».

Чрезвычайно расширился круг авторов журнала, в число которых вошли известные писатели Константин Михайлович Станюкович и Александр Николаевич Островский, Иван Александрович Гончаров и Дмитрий Васильевич Григорович, хирург Николай Иванович Пирогов, педагог Константин Сергеевич Ушинский. Ведомственный журнал стал в 50-е – начале 60-х годов XIX в. своеобразным проводником либеральных идей гласности и реформ.

XXVII

6 декабря 1850 года он был назначен военным губернатором и главным комендантом Ревельского порта (Ревель – прежнее название Таллина). Конечно, Литке был жестоко уязвлен несправедливостью, которую проявило к нему его детище – Русское географическое общество. Новое назначение избавило его от необходимости каждодневно общаться с людьми, которые в глаза превозносили его, а за глаза составили партию, провалившую его на выборах.

Трясаясь в экипаже по ухабистой дороге, Литке думал о том, какая серьезная ответственность легла на его плечи. Ведь Ревель – это ключ к Финскому заливу, и тому, кто им владеет, открыта дорога на Кронштадт и Петербург. Однако нельзя допустить и то, чтобы русский флот был блокирован в Ревельском порту; нужно надежно оградить вход в Ревельский залив, укрепив форты и поставив пушки на острове Нарген, охраняющем вход.

Литке не оставляли размышления о вероятном

противнике, которому придется противостоять на Балтике. Казалось бы, после совместного подавления странами Священного союза европейской смуты 1848 – 1849 гг. должен наступить мир, но как-то это не складывалось. Конечно, враждебных действий со стороны прибалтийских государств – Швеции, Дании, даже Пруссии – вряд ли можно было ожидать, но вот что касается Англии и Франции... Нельзя было не заметить, что их интересы пересекаются с интересами России и на Ближнем Востоке, и на Балканах... А ведь это страны, военно-морской флот которых бурно развивается на основе современных технических достижений и оснащается новейшим оружием. А что может им противопоставить Российская империя с урезанным до предела финансированием не только развития флота, но даже просто его содержания. «Тяжка моя участь, – думал вице-адмирал, – придется больше рассчитывать на русскую смекалку да на строжайшую экономию. Да еще на то, что главные боевые действия развернутся не здесь, а на юге, где англо-французы могут заполучить союзника, издавна противостоящего России, – Оттоманскую империю».

Для Литке Ревель был городом его юности. Отсюда он гардемаринотправлялся в свое первое боевое плавание, здесь он бывал и со смешливыми принцессами, и с великим князем во время плаваний с ним по Балтике. Воспоминания прошлого нахлынули на него, когда он по узенькой улочке поднимался на Вышгород. Литке любил останавливаться возле церкви Святого Олафа и, когда был уверен, что за ним никто не подглядывает, задира голову, чтобы еще раз испытать чувство величественной бесконечности, в которую уходил шпиль башни.

Губернатор посещал церковь Святого Николая, которая была ему особенно близка – и потому, что этот святой покровительствовал всем мореходам, и потому, что там под каменной плитой покоился прах Крузенштерна, мудрого и сильного человека, быть другом которого Литке считал за высокую честь.

Назначение в Ревель Литке воспринял не как опалу, а даже с заметным удовольствием. Когда-то он писал Жуковскому: «...Невзирая на строгость дисциплины морской, отличительная черта моряков есть некоторая независимость характера и мысли, и праводушие. Не знаю, отчего это происходит, но это факт, а с ним и умом просвещенным можно пролавирировать между Сциллою и Харибдой...» После шестнадцати лет дворцовой жизни, в которой так часто приходилось «лавировать», хотелось совсем иной обстановки, которая принесла бы душевное

спокойствие. Литке купил в Эстляндской губернии, в Везенбергском уезде, что примерно в сотне верст от Ревеля, мызу Авандусе – поместье с усадьбой и хозяйственными постройками. Центр усадьбы – длинный господский дом, замечательный своей «разноэтажностью»; двухэтажные части чередуются с одноэтажными. Вестибюль, зал, столовая превосходно отделаны деревянными панелями, на второй этаж ведет деревянная же винтовая лестница, кафельная печь дышит теплом. В полуверсте – церковь Симуна, одна из старейших в Эстляндии. Здание церкви украшают башня-часовня и две маленьких декоративных башенки. Литке специально приходил в церковь слушать величественную органную музыку.

С площадки наверху часовни открывался чудесный вид на окрестности: смешанный разноцветный лес, озера торфяных болот, дорога, бегущая между соснами, березами, елями. В одном месте деревья вблизи дороги были вырублены и стоял невысокий каменный столб. Он напоминал Федору Петровичу о его друге и соратнике Струве, астрономе и геодезисте. Этот столб отмечал один из концов базисной линии, от которой под руководством Струве проводилось измерение длины земного меридиана.

Но Литке, приезжавшему на мызу как на дачу, для отдыха, вовсе не хотелось думать о земном меридиане, а хотелось просто отдаться душой благодатной тишине, летнему дурманящему запаху цветущих трав или слушать зимнее завывание ветра в печной трубе.

Однако полностью отразиться от забот даже в дачной обстановке поместья никак не удавалось. Все чаще думалось о неизбежности предстоящей войны и о нехватке средств на восстановление старых укреплений и возведение новых, не оставляли хлопоты по открытию в Ревеле морского клуба и библиотеки. Радовало, но больше беспокоило намерение старшего сына Константина поступить юнкером на флот. Награждение орденом Александра Невского Федор Петрович воспринял просто как рутинное мероприятие, не видя за собой особых для него заслуг.

XXVIII

4 октября 1853 года началась война, получившая в истории название «Крымская, или Восточная». А ровно через месяц Литке назначен командиром главной российской морской крепости

на Балтике – Кронштадтского порта – и кронштадтским военным губернатором.

Тут, однако, возникает некоторая странность (не в жизни Литке, а в публикациях, касающихся его губернаторства). В газете «Кронштадтский вестник», № 37 от 22 сентября 2006 года, в статье «Деятельность немцев в Кронштадте» содержится такой пассаж (цитирую дословно): «В 1853 – 1855 гг. инженер-генерал Иван Иванович Ден исполнял должность военного губернатора Кронштадта (по другим данным, в 1854 году военным генерал-губернатором Кронштадта являлся адмирал Ф.П. Литке)».

Кому бы разобраться, кто когда был военным генерал-губернатором Кронштадта, так это самим кронштадтцам. Не разобрались, однако.

Генерал Иван Иванович Ден (он же – Иоганн Якоб фон Ден) – военный инженер, участник наполеоновских войн, под руководством которого построен ряд крепостей в стратегических пунктах государства, в том числе в крепости Брест-Литовск.

27 февраля 1854 года царским указом была учреждена должность кронштадтского военного генерал-губернатора (заметьте – генерал-губернатора, а не губернатора!) с подчинением ему морских и сухопутных сил, дислоцированных в Кронштадте. В другой публикации указывается, что Ден был назначен «исполняющим дела кронштадтского военного губернатора с правами командира корпуса в военное время». Еще в одной публикации Ден назван «исполняющим обязанности военного губернатора». Дена также называют «военным губернатором Кронштадта, организатором обороны морских подступов к Санкт-Петербургу».

Смею предположить, что путаница возникла в связи с непониманием некоторыми авторами разницы между должностями губернатора и генерал-губернатора.

Должность генерал-губернатора устанавливалась там, где средств рутинного бюрократического управления не хватало для решения особо ответственных задач. Генерал-губернатор подчинялся непосредственно императору, действовал от его имени, обладал гражданской и военной властью и имел чрезвычайные полномочия. А губернатор был подчинен министру и исполнял все законные требования, предложения и предписания генерал-губернатора. Генерал-губернатором Кронштадта был назначен именно Ден и как выдающийся инженер-фортификатор был наделен всеми необходи-

мыми полномочиями для возведения укреплений по защите Петербурга со стороны моря.

Впрочем, может быть, оговорка «исполняющий дела» или «исполняющий обязанности» действительно имела место. Дело в том, что в 1854 году Иван Иванович перенес сильный нервный удар, вследствие которого его здоровье было расстроено и он даже не мог свободно владеть языком.

Одновременно с назначением Дена генерал-губернатором при нем был создан штаб, деятельность которого была направлена исключительно на решение инженерных задач. Начальником штаба был назначен генерал-майор Владимир Гаврилович Политковский. Как талантливый организатор по инженерной части, он руководил строительством сплошной линии островных батарей, перегораживающих весь Финский залив. В ходе войны было возведено девять береговых батарей. В их числе были укрепления, получившие имена руководителей кронштадтской обороны – редут генерала Дена, люнет генерала Политковского и батарея адмирала Литке (редут – долговременное укрепление с валом и рвом, предназначенное для круговой обороны; люнет, в отличие от редута, закрыт только с трех сторон).

В начале 1854 года великий князь Константин Николаевич запросил мнение опытных моряков относительно плана боевых действий Балтийского флота. В ответах выявились две существенно различающиеся точки зрения.

Одну из них представлял граф Гейден, генерал Главного морского штаба. По его мнению, Балтийский флот должен не допускать неприятеля в Финский залив, для чего все наличные морские силы должны быть сосредоточены под парусами у входа в залив. Флот должен предпринимать активные боевые действия, вести поиск неприятеля, не уклоняясь от решительной встречи с ним.

И только в том случае, когда неприятель будет «в весьма превосходных силах», искать убежище в Свеаборге – крепости, защищающей с моря Гельсингфорс.

План вице-адмирала Литке основывался на гораздо более реалистичной оценке соотношения сил Российского флота и флотов союзных держав – Англии и Франции. Литке настаивал на том, что в войне на Балтике России следует ограничиться только оборонительными действиями. Все три дивизии Балтийского флота сосредоточить в Свеаборге. «Если неприятель не успеет запереть большую часть нашего флота в Кронштадте, то мы, собрав в Свеаборге от 23 до 25 кораб-

лей и до 8 пароходов, должны, подобно гарнизо-ну осажденной крепости, быть во всегдашней го-товности на вылазку и поиск, а между тем обучать экипажи пушечной экзерциции и морскому делу. На поиски же следует решаться не иначе как с верною надеждою на успех, имея значительный, по крайней мере полоторный, перевес в силах».

А в Кронштадте готовиться исключительно к уси-ленной обороне, в особенности, если флот непри-ятеля успеет пересечь путь кронштадтским дивизи-ям в Свеаборг.

По указанию императора генерал-адмирал совместно с адмиралом Рикордом, Литке и на-чальниками двух дивизий составил записку об обороне Кронштадта и назначении флота, в ос-нову которой был положен план Литке. В конеч-ном счете было принято решение две дивизии оставить в Кронштадте, а одна по-прежнему на-ходилась в Свеаборге.

Литке предпринял усиленные меры по укрепле-нию Кронштадта. Впервые в войне на море были применены якорные мины – конструкции акаде-мика Якоби, подрываемые от гальванических ба-тарей, находящихся на берегу, и ударно-гальва-нические мины Эммануэля Нобеля. Мины были установлены на фарватерах, которыми мог вос-пользоваться неприятель, и в проходах между фортами. На подходах к Кронштадту были устро-ены минно-артиллерийские позиции.

14 июля мощный англо-французский флот поя-вился в виду Кронштадта. Командующий вражеской эскадрой адмирал Непир убедился, что мелководье не позволяет кораблям союзников свободно ма-неврировать; все подступы к крепости защищены береговыми батареями, а русский флот не намере-вается выходить из-под их защиты. Последним обстоятельством, которое вынудило Непира отка-заться от попыток вступить в бой с русским флотом, был подрыв четырех кораблей на минах Нобеля. Хо-тя ввиду малой мощности зарядов большого ущер-ба эти корабли не получили, англо-французская эс-кадра отошла, а Непир доложил Британскому Ад-миралтейству о «сильной защите подходов к Кронштадту адскими машинами».

Это был исключительный случай в истории войн: морская крепость, не сделав ни одного выстрела, заставила отступить превосходящие силы неприятеля.

Морские власти призвали Нобеля усовершен-ствовать его мину, но тот взвинтил цену поставля-емых им мин до 100 рублей за штуку, на что Литке, экономя государственную копейку, с негодовани-

ем отозвался: «От самого Нобеля нельзя ожидать усовершенствования его мины... делая из нее тор-говую спекуляцию, он по возможности устраняет всякий контроль со стороны правительства».

В ноябре 1854 года Литке было объявлено «осо-бенное монаршее благоволение» за сохранение порядка и бдительности во время состояния Кронштадта на осадном положении. Но сильнее радовала Федора Петровича дошедшая, наконец, до Кронштадта весть о том, что его сын Констан-тин, отправившийся в плавание на фрегате «Авро-ра» под командой капитан-лейтенанта Изыльметь-ева, исправлял свою обязанность с усердием и расторопностью, отличился в обороне Петропав-ловска-на-Камчатке и был произведен в мичманы.

Скончавшийся император Николай I в своем за-вещании оставил Литке искреннюю благодар-ность. Новый император, Александр II, в марте 1855 года произвел Литке в «полные» адмиралы.

Членом Комитета о защите берегов Балтийского моря Литке был назначен уже в чине адмирала, намного позже Дена и Политковского. То ли бума-ги перепутали, то ли просто забыли в спешке неу-дачной войны, но Литке, верный своему принципу «на службу не напрашиваться», не напоминал об этом очевидном упущении.

XXIX

25 декабря 1855 года императорским указом Литке был назначен членом Государствен-ного Совета Российской империи.

Государственный Совет представлял собой выс-шее законосовещательное учреждение империи, которое вырабатывало предложения императору – самодержцу по важнейшим, как считалось, вопро-сам внутренней и внешней политики, с которым император мог посоветоваться перед принятием какого-либо решения государственного уровня.

Император по своему усмотрению назначал чле-нов Совета. Как правило, это были титулованные представители высшей бюрократии, но могли быть и разночинцы. Император никакими ограничения-ми себя не связывал. Он мог утвердить решение Совета, а мог поддержать мнение меньшинства.

При Государственном Совете было несколько департаментов, которые включали как отдельных членов Совета, так и привлеченных специали-стов. В департаментах прорабатывались проекты законов, которые затем рассматривались на об-щих собраниях Совета. Общее собрание прово-

дилось раз в неделю, и решения принимались большинством голосов.

Федор Петрович был не из тех людей, кто мог блаженно подремывать на заседаниях Государственного Совета. Тринадцать лет присутствовал в заседаниях департамента законов, рассматривавшего в эти годы важнейшие законы Российской империи: об отмене крепостного права, об отмене телесных наказаний, о земском и городском самоуправлении, о судебной и военной реформе.

В Государственном Совете Литке меньше всего был похож на винтик «машины для голосования». К каждому рассматриваемому делу он относился с величайшей внимательностью, тщательно изучал все его аспекты, нередко консультировался у специалистов. Чувствуя недостаток своей правовой подготовки, он в возрасте шестидесяти с лишним лет принял за основательное изучение юриспруденции, пользуясь помощью выдающегося юриста и экономиста Николая Христиановича Бунге, будущего министра финансов и председателя комитета министров.

Оказавшись в кругу высших столпов российской бюрократии, Литке ни на час не оставлял забот о военно-морском флоте. В течение восемнадцати лет он принимал участие в особой комиссии по рассмотрению отчетов Морского министерства.

Потерпев поражение в Крымской войне, Россия лишилась флота. Литке, может быть, лучше, чем многие другие, понимал необходимость восстановления флота на новой основе как броненосного, винтового, вооруженного нарезной артиллерией. Новый флот требовал специально подготовленного для него офицерского состава, и адмирал Литке принял деятельное участие в работе созданного великим князем Константином Николаевичем специального комитета по ревизии учебных заведений морского ведомства, действовавшей совместно с Министерством народного просвещения. Комитет работал четыре года; его предложения были опубликованы в «Морском сборнике» и широко обсуждались морской общественностью. В результате появилось новое Положение о морских учебных заведениях, направленное на подготовку кадров, отвечающих перспективам развития Военно-морского флота России.

Как член Государственного Совета Литке поддерживал реформаторскую деятельность императора Александра II и его брата, великого князя Константина Николаевича, который в течение шестнадцати лет председательствовал в Совете. Литке было нетрудно находить с великим князем общий язык, и ад-

мирал всегда мог помочь своему бывшему воспитателю благоприятствующим советом.

А еще Литке был в Государственном Совете председателем Особого совещания по вопросу обеспечения семейств убитых, раненых и без вести пропавших воинских чинов. Какова бы ни была загруженность адмирала разными делами, он прежде всего обращался к этой своей обязанности, которую почитал священной. Сердце разрывалось от желания помочь всем, но он старался не показывать своих чувств, когда оказывал помощь вдовам и инвалидам, равно и когда был вынужден отказывать в удовлетворении просьбы из-за отсутствия законных оснований или по нехватке средств.

Еще по окончании службы в Кронштадте Литке был дарован каменный дом в престижном районе Санкт-Петербурга, на Английской набережной. С одной стороны дом соседствовал со зданием Николаевской Академии генерального штаба, с другой – с особняком, принадлежащим Никите Всеволожскому, основателю литературного общества «Зеленая лампа»; в этом доме бывали и Пушкин, и Дельвиг, и Гнедич...

Давно уже поэты не отворяли дверь особняка, да и в доме самого Литке не слышался женский смех или детская беготня. Рано овдовев, Литке остался бобылем, и в просторных комнатах каменного здания с окнами на Неву ему было пусто и холодно.

xxx

В 1857 году Федор Петрович снова вернулся к обязанностям вице-председателя Русского географического общества.

Из новых членов общества, получившего к своему названию титул «Императорское», Литке приметил совсем молодого офицера Николая Пржевальского, слушателя Академии генерального штаба, что по соседству с его особняком. Двадцатидвухлетний первокурсник представил работу «Опыт статистического описания и военного обозрения Приамурского края», настолько интересную, что за нее он был избран действительным членом общества. А вскоре после окончания академии Пржевальский добился направления на службу в штаб Восточно-Сибирского военного округа. Начальник штаба округа генерал Кукель, который одновременно был председателем Восточно-Сибирского отдела географического общества, отправил стремящегося в неизведанные места офицера в длительную командировку в Уссурийский край. С нее и началась известность Прже-

вальского как знаменитого географа-исследователя. Доклады об экспедиции, прочитанные по ее окончании в Санкт-Петербурге, и доставленные им материалы для музеев вызвали настолько большой интерес, что Пржевальский был награжден серебряной медалью Русского географического общества. За следующую экспедицию – в Монголию, Китай и Тибет – Пржевальский получил Большую Константиновскую медаль общества, а впереди были еще путешествия, открывшие миру огромные пространства Центральной Азии...

Другим заметным молодым деятелем Русского географического общества был князь Петр Алексеевич Кропоткин, будущий идеолог русского анархизма, в 22 года награжденный малой золотой медалью общества за отчет об Олёкминско-Витимской экспедиции, избранный членом общества в 1868 году. В чине есаула Кропоткин служил чиновником по особым поручениям у того же Кукеля и участвовал в экспедициях по Восточной Сибири, Маньчжурии, занимаясь геоморфологией – наукой об описании и классификации форм рельефа местности, геологическими, картографическими и этнографическими исследованиями. Это он ввел в обиход понятие «вечная мерзлота». А в 1870 году он был избран секретарем Географического общества, став правой рукой самого Литке.

Одно перечисление экспедиций Императорского русского географического общества и его отделов за время, когда его возглавлял Литке, заняло бы немало времени: и на остров Сахалин, и на Амур и Байкал, на Памир и Тянь-Шань. В эти годы Географическое общество под руководством Литке открывало для России Россию.

Не менее важны были не столь громкие, но от этого не менее необходимые экономико-статистические исследования России, выполненные под эгидой общества.

Издавались «Записки Императорского географического общества», в одном из выпусков которых был помещен представленный самим Федором Петровичем доклад великому князю Константину Николаевичу об экспедиции в Азовское море.

Одно из последних предприятий Литке, которое он успел сделать до ухода с поста вице-председателя общества, было рассмотрение обращения Николая Николаевича Миклухо-Маклая о разрешении ему отправиться в Океанию на корвете «Витязь». Литке поддержал просьбу будущего знаменитого путешественника и антрополога, но из средств общества удалось выделить на проект Миклухо-Маклая только 1350 рублей, а нужно бы-

ло не меньше пяти тысяч. Пришлось Николаю Николаевичу выкручиваться.

XXXI

Еще в 1863 году общее собрание Русского географического общества постановило украсить залу общества портретом Федора Петровича.

В Интернете я нашел около пятнадцати портретов Литке (включая фотопортреты). Произвести атрибуцию некоторых из них оказалось довольно сложно, иногда даже хотя бы приблизительно установить, к какому периоду жизни адмирала относится тот или иной портрет. Один из признаков атрибуции очевиден: чем старше был оригинал, тем больше лысина обнажала его высокий лоб. И, наоборот, тем длиннее и пышнее становились его седые бакенбарды и смыкающиеся с ними столь же пышные усы.

Другими признаками могут служить рисунки орденов на мундире, их количество и порядок расположения; однако по уменьшенному изображению на портрете далеко не всегда можно было установить название орденов.

Самым ранним портретом Литке, по-видимому, можно считать акварельный рисунок шестнадцатилетнего Владимира Гау, сделанный в 1832 году в Ревеле. Литке был капитаном корабля, на котором в Ревель прибыли великие княжны. Портрет капитана был таким удачным, что Литке порекомендовал юного художника императрице Александре Федоровне, и она поручила ему написать портреты дочерей, с которых и началась будущая слава живописца. К сожалению, найти этот портрет мне не удалось.

На первом из обнаруженных мною портретов изображен молодой человек, у которого чуть обнаруживаются залысины, прикрытые прядями волос. Бачки еще короткие, как будто бы завитые, усов вообще нет. На груди офицера первый из предназначенных для ношения на мундире орденов, которым был награжден Литке, – орден Анны III степени, 1819 год. Следующим орденом – Георгия IV степени – Литке был награжден в январе 1830 года. Следовательно, портрет относится к интервалу времени от 1819 до 1830 года.

На плечах у моряка эполеты с тонкой бахромой, свисающей по краям полукружия. Такие эполеты носили только штаб-офицеры флота, то есть капитаны 1-го и 2-го ранга. Но на портрете эполеты без звездочек, следовательно, они принадлежат капи-

тану 1-го ранга. А звания капитана 2-го ранга Литке, как известно, никогда не имел. Звание капитана 1-го ранга он получил в октябре 1829 года. Вот вам и атрибуция по времени: с октября 1829 по январь 1830 года, то есть после возвращения из кругосветного плавания на шлюпе «Сенявин».

Что о самом портрете? Перед нами лицо умного, с пытливым взглядом человека; полноватые губы свидетельствуют о мягкости нрава, но высокие брови и крупный подбородок выдают в характере умение командовать, уверенность в себе без самоуверенности. Да, это Литке на тридцать третьем году жизни, на вершине своей карьеры мореплавателя.

Со следующим портретом, на котором Литке изображен в левый профиль, связана некая загадка. Подпись под портретом гласит: «Литография (1823 г.) по портрету неизвестного художника». Насчет «неизвестного» – это так, а вот насчет 1823 года позвольте усомниться. Ну, пусть Литке на нем с небольшими бачками, без усов, но с залысинами большими, чем на предыдущем портрете. Но эполеты у него штаб-офицерские, то есть могут принадлежать только капитану 1-го ранга, которым Литке был до июня 1835 года. Ну и в 1823 году у Литке на мундире мог быть только орден Анны III степени, а на портрете у него на груди еще орден Святого Георгия IV степени (награжден в 1830 году). И еще какие-то кружочки – то ли пуговицы, то ли медали (но у Литке тогда медалей вроде бы не было) – не разобрать. Таким образом, портрет этот мог быть написан только между 1830 и 1835 годом. Что же касается характера изображаемого лица, то о нем трудно что-либо сказать, кроме решительности и рано пришедшей житейской умудренности.

Под следующим портретом подпись на французском языке: «Гранд Адмирал де Литке. Гуврнер великого князя Константина». Литке стал воспитателем великого князя в 1832 году и освободился от этой обязанности в 1847 году. А чин контр-адмирала он получил в 1835 году. Значит, портрет мог быть написан между 1835 и 1847 годом.

Попробуем сузить этот интервал. Ордена на мундире Литке (кроме ордена Георгия IV степени) различить в точности мне не удалось. Один из них напоминает звезду ордена Анны (орден Анны I степени Литке получил в 1840 году), однако твердой уверенности в этом у меня нет. А вторая звезда на мундире вообще ни на какой из российских орденов не похожа. К тому же на эполетах можно разглядеть

изображение якоря, чего никогда на российском флоте не полагалось; по-видимому, художник тут проявил фантазию (как и с упомянутым ранее орденом). Другое обстоятельство, затрудняющее атрибуцию, – отсутствие при мундире аксельбанта. «Нет адъютанта без аксельбанта», – знаменитый афоризм Козьмы Пруткина. А Литке был флигель-адъютантом с 1832 года. Вот и приехали.

Бакенбарды еще не седые и не сходятся с усами.

Что касается общего впечатления от лица и фигуры персонажа, то кажется, что художник хотел придать ему некую форсисность: талия в рюмочку, во взгляде этакая снисходительность, на губах улыбочка, тоже чуть снисходительная. Нет, не думаю, чтобы этот портрет адекватно отражал внутренний мир молодого адмирала.

Следующий портрет (а возможно, только фрагмент портрета) дает не больше оснований для атрибуции – примерно те же годы, что и у предыдущего. Но облик адмирала гораздо более выразителен: лоб мыслителя, волевой взгляд, чуть-чуть асимметричные брови.

Очередной портрет производит впечатление несколько ранее написанного, чем оба предыдущих. Литке на нем не в мундире, а в сюртуке с эполетами, кончики бакенбардов подкручены вверх, совсем немножечко – наверное, по моде того времени. А лицо привлекает своей интеллигентностью; таким мог бы быть современный нам профессор или академик.

А этот портрет Литке я нашел в старой книге. Федор Петрович на нем – в расцвете сил, но уже седина в голове и усы длиннее, чем на предыдущих изображениях, вообще выглядит солиднее, хотя видна прежняя строевая выправка. И от плеча – аксельбант генерал-адъютанта.

Резкий переход к иному возрасту знаменует портрет, выполненный профессором живописи Сергеем Константиновичем Зарянко в 1854 году. Что-то сильно изменилось в облике адмирала за эти годы. Голова совершенно седая, такие же седые усы смотрят в стороны пиками. Современник писал о Зарянко-портретисте: «Это не живопись, а натура, оживленные и одухотворенные изображения... Верность натуре доведена до такой степени, что вы невольно забываете про полотно, видите перед собою живого человека». Портрет написан в то время, когда Литке был озабочен проблемами защиты Кронштадта от нападения англо-французской эскадры. Эта озабоченность, внутренняя сосредоточенность и усталость видны на его лице, прописанном в отк-

ровенно натуралистической манере: краснота щек и кончика носа, глубоко запавшие глаза под белыми бровями.

Владимиром Дау, ставшим с легкой руки Литке модным придворным живописцем, написан портрет, гравюра на стали с которого датируется 1850 – 1860 гг. Этот интервал может быть сокращен за счет того, что на мундире отсутствует темно-бронзовая медаль в память войны 1853 – 1856 гг., которой Федор Петрович был награжден в 1856 году (светло-бронзовая медаль вручалась лицам, непосредственно участвовавшим в боях, а темно-бронзовая – остальным ветеранам, служившим в то время не в действующей армии). Верхняя из трех звезд на мундире, скорее всего, принадлежит ордену Александра Невского, которым Литке был награжден в 1852 году. Это подтверждается и ее расположением по старшинству орденов, полученных адмиралом к этому времени, и при рассмотрении рисунка звезды на сделанных позже фотографиях. На эполетах можно разглядеть вензель в виде буквы «Н» – знак принадлежности к свите Николая I, умершего в 1855 году. К тому же Литке на этом портрете – в однобортном мундире, а с 1855 года свитские мундиры стали двубортными! Получается, что портрет был написан между 1852 и 1855 годом.

Портрет Дау выполнен с присущим художнику аристократизмом, адмирал красив с его пышными седыми бакенбардами и усами, его взгляд спокоен и полон внутреннего достоинства. Это, несомненно, парадный портрет, в котором представлены лучшие черты оригинала.

На следующем портрете (или на фотографии?) Литке выглядит старше, чем на предыдущем. Знаменитые бакенбарды, как и усы, стали гуще и длиннее. Подпись под портретом гласит: «Генерал-адъютант, вице-адмирал, главный командир Кронштадтского порта». Вот тут открывается целый ряд противоречий. Литке на портрете – в двубортном мундире, а таковые, как сказано выше, были введены в 1855 году. На мундире различима темно-бронзовая медаль – 1856 год. Но тогда Литке был уже не вице-адмиралом, а полным адмиралом. И, соответственно, уже не был командиром Кронштадтского порта. Могу предположить, что этот портрет сделан для серии изображений военачальников – участников войны 1853 – 1856 гг. Надпись относится к должности адмирала в годы войны, а сам портрет выполнен позже. К сожалению, название литографии под портретом я разобрать не смог.

Литке на этом портрете выглядит строгим и су-

ровым, как подобает боевому адмиралу – грозе неприятеля.

И вот, наконец, выполненный замечательным художником-«передвижником» Иваном Николаевичем Крамским портрет 1871 года, который можно считать одним из самых замечательных шедевров его кисти. Тщательно продуманная композиция, тонкая цветовая гамма, ракурс, демонстрирующий не обилие регалий, а внутренний мир оригинала через его внешний облик. Современники считали, что портреты Крамского отличаются полным сходством и талантливой характеристикой лица, с которого портрет писался. На нас смотрит умудренный жизнью человек с не очень счастливой личной судьбой, но стойко противостоящий ее ударам и невзгодам. Он столько лет тянул тяжелый воз ответственности, не отрывается от нее и сейчас, хотя силы уже не те, тянуть тяжело, но он не отступится.

На последних фотографиях лицо Федора Петровича утопает в снежной белизне пушистых бакенбардов и усов, между которыми видны высокий лоб, крупный нос и глаза грустные и усталые, как у старого доброго пса...

На старости лет Федор Петрович записал в дневнике: «Авось не все, что тщусь я насаждать, расклюют птицы или похитит лукавый, авось иное зерно и найдет благоприятную почву, авось, взглянув на мой портрет, когда меня не будет, скажете вы иногда: «Этот человек больше жил для меня, чем для себя...»

XXXII

В память освобождения крестьян из крепостной зависимости в апреле 1861 года Литке был награжден золотой медалью, наряду с высшими чиновниками империи. В январе 1863 года по случаю пятидесятилетия службы в армии рескриптом с выражением высочайшего благоволения – орденом Владимира I степени; в 1867 году по тому же поводу – очередным золотым оружием.

Еще в 1855 году Федор Петрович был избран почетным членом Петербургской Академии наук, а в 1864 году указом императора Александра II был назначен президентом академии.

Реакция академиков на назначение Литке была весьма неоднозначна. Вот как отреагировал на него уже упоминавшийся нами Никитенко, действительный член Академии наук по отделению русского языка и словесности:

«Вчера услышал я... что в президенты академии назначен Литке. Очевидно, это выбор Головнина. В полунемецкую академию немца, – видно по всему, что Головнин большой патриот. Да и что такое Литке? Он известен как хороший моряк и как очень неуживчивый человек, а главное, как большой покровитель своих соотечественников-немцев. Право, можно бы сделать выбор поумнее и сообразнее с настоящими обстоятельствами. Отчего, например, не Корф? Отчего не Строганов?»

Александр Васильевич Головнин был тогда министром народного просвещения; Никитенко не зря указывает на его роль в назначении Литке на должность президента Академии наук. Министр был сыном адмирала, на корабле которого Литке совершил свое первое кругосветное плавание, и к тому же Головнин в 50-е годы был одним из руководителей основанного Федором Петровичем журналом «Морской сборник», принявшего либеральное направление.

Модест Андреевич Корф в науке был известен как историк и библиограф официозного направления, Сергей Григорьевич Строганов – как археолог. Однако Никитенко напрасно вкладывал в слово «моряк» уничижительное значение (дескать, моряк, а не ученый): европейскую известность имели достижения Литке в области географии, этнографии, гидрографии, изучения магнитного поля Земли и гравиметрии.

А вот относительно покровительства Литке своих соотечественников – немцев академик Никитенко был явно несправедлив. Дело, возможно, еще и в том, что эта запись в дневнике Никитенко сделана через три дня после похорон прежнего президента, графа Дмитрия Николаевича Блудова, литератора, дипломата, юриста, издателя и крупного государственного деятеля эпохи реформ. Никитенко был настолько близок к Блудову, что именно он вызвался произнести на общем собрании академии речь в память покойного.

Через восемь дней Никитенко, возможно, хотя бы отчасти понял свою неправоту и записывает в дневнике:

«6 марта 1864 года, пятница

Заседание в академии в присутствии нового президента Литке. Он открыл заседание весьма пристойною и скромною речью. Потом я прочитал речь в память графа Блудова».

Свою речь при вступлении в должность президента академии адмирал написал заранее, тщательно подбирая слова, зачеркивая и исправляя в поисках наиболее точного выражения.

«Милостивые государи!

Не без смущения, не без большого недоверия к силам своим являюсь я между вами в таком звании... Проходя мысленно ряд знаменитостей, предшествовавших мне в этом звании, я спрашиваю себя: чему я обязан эту честию? Я простой моряк, ни первоначальным образованием, ни последовавшею общественною деятельностью не подготовленный к столь высокому призванию. На этот вопрос нахожу я один только ответ. Без сомнения, я обязан этим не чему иному, как любви и уважению к науке, которые я питал в продолжение всей моей жизни и движимый которыми когда-то и я принес мою лепту, лепту вдовицы на алтарь науки. Достаточно ли одного этого условия, чтобы дать право председательствовать в кругу знаменитейших представителей науки в нашем отечестве, – об этом судить не мне. Но его было достаточно, чтобы обратить на меня внимание академии, когда она 35 лет тому назад удостоила меня звания своего члена-корреспондента; его достаточно было, чтобы положить основание давнишним более или менее близким отношениям моим к многим, к большей части из вас, милостивые государи. Таким образом, я не совсем чужим являюсь между вами, и вы найдете во мне то же уважение к науке и ту же ревностную готовность служить ей, кои сопровождали мою молодость и не оставляют меня к старости... Я со своей стороны употреблю все остающиеся мне силы для достижения с содействием и помощью вашею этой цели, которая отныне будет целью моей жизни».

А что Никитенко? Вот записи в его дневнике.

«9 марта 1864 года, понедельник

После совета университетского вечер у Литке, где были все академики и многие из посторонних...

6 апреля 1864 года, понедельник

Вечер у президента Литке...

19 апреля 1864 года, воскресенье

Праздник Пасхи... Записался у графини Блудовой, которую не застал дома, записался также у президента Литке...

4 декабря 1864 года, пятница

Общее собрание в Академии наук...

Литке показал много такта и умения направлять прения. Он и по-русски говорит совершенно правильно и чисто (*Еще бы! Ведь это его родной язык – он вырос в семье, где дома говорили по-русски. К тому же он автор двух объемистых книг, написанных великолепным русским языком! – В.В.*)...

7 декабря 1864 года, понедельник

Вечер у Литке. Много знакомых...»

Вроде бы все нормально, Никитенко – постоянный гость в доме Литке, но все-таки время от времени его подмывает вернуться к «русской» и «немецкой» партии.

«29 августа 1864 года, суббота

Юбилей академика Карла Максимовича Бэра.

Еще непристойность. После провозглашения тоста в честь государя обыкновенно музыка играет «Боже, царя храни». Тост был провозглашен, три раза повторилось обычное «ура!» – музыка молчит. Тщетно Литке делает знаки, чтоб играли: музыка все молчит. Наконец он начинает сначала тихо, потом громче требовать гимна, и только уже после повторенного им громкого крика: «Боже, царя храни!» – музыка решилась начать национальный гимн. Все это, однако, составляло только наружную сторону дела, внутренняя же вот в чем. Во-первых, немцы, очевидно, хотели выказать свое торжество над русской партией, что, впрочем, им во всяком случае нетрудно, так как они всегда действуют обдуманно, согласно и твердо, а мы ведь не можем соединиться втроем или вчетвером без того, чтобы не постараться нагадить друг другу и не разбиться врозь».

И дальше на протяжении еще нескольких лет – то Никитенко конфликтует с президентом академии по поводам, никакого отношения к науке не имеющим, то Литке приезжает к Никитенко мириться, то Никитенко обедает у Литке... Но камень за пазухой профессор все еще держит:

«12 ноября 1871 года, пятница

...Объявлено было высочайшее согласие на постановку портрета Литке в зале академической, о чем просили академики, или, лучше сказать, Буняковский и Веселовский. Каждый пожертвовал для этого 16 рублей, некоторые, однако, подписались на этот портрет по предложению Буняковского, и не совсем охотно; другие считают такую овацию непристойною лестью. Следовало бы также подумать о графе Блудове. Я говорил об этом Буняковскому, но он сказал, что «тот уже умер, а этот живой». Буняковский от имени членов сказал президенту речь, на которую тот отвечал изъявлениями благодарности».

Но проходит время, и уходят никчемные ссоры. И вот уже Никитенко, которого продолжительная тяжкая болезнь привела к необходимости лечиться за границей, пишет в дневнике: «Лица, более всего способствовавшие к дарованию мне отпуска и средств к поездке за гра-

ницу, были президент Академии наук граф Ф.П.Литке и министр народного просвещения граф Д. А. Толстой...»

XXXIII

Но хватит о Никитенко. Совсем о другом главные заботы президента академии.

Петербургская Академия наук, как ее принял Литке, была довольно своеобразным учреждением. Призванная объединять «первенствующее научное сословие в Российской империи», она, по сути, представляла собой довольно узкий кружок лиц, которые, как считалось, профессионально занимались наукой. В ее трех отделениях – физико-математических наук, русского языка и словесности, историко-филологических наук – полагалось иметь академиков в общей сумме тридцать одного человека, что было намного меньше количества университетских профессоров, которых насчитывалось несколько сотен. Должностные оклады академиков были не выше, чем оклады профессоров.

Устав академии, принятый в 1836 году, устарел и совершенно не соответствовал эпохе реформ Александра II. Еще предыдущий президент академии, граф Блудов, предпринимал попытки пересмотреть устав. Казалось бы, при Литке дело сдвинулось с мертвой точки, император Александр дал соответствующее указание, но при откате реформ всё остановилось, и академия продолжала жить по правилам, сохраняющим ее самоизолированность от нужд общества.

В октябре 1866 года «по случаю бракосочетания наследника» император даровал Федору Литке титул графа Российской империи. Сложные чувства вызвала монаршая милость в душе пожилого адмирала. Конечно, он рассматривал пожалование именованьем «его сиятельство» как признание заслуг перед Россией – единственным его Отечеством. Но мог ли он, сын неродовитого чиновника и внук пастора, когда-нибудь предполагать, что будет причислен к кругу высшей знати империи?

Все годы своего президентства в академии Литке как опытнейший моряк придавал исключительное значение систематическим наблюдениям за явлениями природы. Он многое сделал для поддержания деятельности Главной астрономической обсерватории в Пулковом, в которой осуществлялись постоянные наблюдения звездного

неба и были созданы признанные во всем мире каталоги абсолютных положений звезд. На протяжении многих десятилетий использовались составленные в обсерватории высокоточные «Пулковские таблицы рефракции». Геодезические измерения на огромных территориях России шли от Пулковского меридиана, а сама обсерватория стала центром стажировки и повышения квалификации геодезистов и гидрографов высшей квалификации для Военно-морского флота, Российской армии и ее Генерального штаба.

Работе Николаевской Главной физической обсерватории в Санкт-Петербурге Литке уделял настолько большое внимание, что одно время даже непосредственно управлял ее делами. В обсерватории осуществлялась поверка всех приборов, используемых на метеорологических станциях и в путешествиях, заведование всей системой русских метеостанций, выпуск обзоров и предсказаний погоды. Однако застройка Васильевского острова Петербурга, где располагалась обсерватория, причиняла помехи выполнению точных наблюдений, и поэтому по инициативе Литке в Павловске была создана Константиновская магнито-метеорологическая обсерватория, предназначенная исключительно для наблюдений.

Литке взвалил себе на плечи всю работу по проталкиванию в правительстве штатов обсерваторий, выбиванию средств на их финансирование – словом, ту часть деятельности академии, которая сама по себе наукой не является, но без которой осуществление научной работы невозможно. Что Литке более-менее удалось, так это, хотя и не сразу и преодолевая многочисленные препоны, улучшить финансовое положение самой академии, ее подразделений, академиков и сотрудников.

Далеко не всем академиком была видна эта сторона деятельности президента академии, поэтому все чаще в его адрес раздавались упреки в чрезмерном администрировании, в авторитарном стиле руководства. Вряд ли они всегда были справедливы – возможна ли демократия при самодержавно-бюрократическом строе? Но были и действительные ошибки, от которых репутация адмирала заметно пострадала.

Получив высший орден Российской империи – орден Андрея Первозванного, а затем и очередное золотое оружие за 60 лет выслуги в военных чинах, Литке, со своими распушенными бакенбардами и полным иконостасом орденов на мундире, выполняя представительские функции и занятый

добыванием средств на существование академии, все меньше занимался внутренними делами академического сообщества. Как-то так само собой получилось, что эти дела незаметно перешли в ведение непрямого секретаря академии, экономиста и статистика Константина Степановича Веселовского. Прикрываясь авторитетом президента академии, Веселовский представлял свои личные симпатии и антипатии как мнение президента и даже оказывал влияние на Литке, склоняя его поступать так, как он рекомендовал.

В особенности это проявилось в нашумевшей истории с неизбранием в Академию наук Дмитрия Ивановича Менделеева. Отчего Веселовский невзлюбил Менделеева – трудно сказать, скорее всего потому, что Менделеев был горячим сторонником исследований прикладного характера, «на пользу народную», а Веселовский в годы своего секретарства в особенности упирал на первенство фундаментальных исследований. А может быть, дело было в каких-то сословных предрассудках: Веселовский был выпускником Царскосельского лицея, а Менделеев – сыном учителя из дальней провинции, да еще ходила сплетня, что Дмитрий Иванович – просто «чемоданных дел мастер». Так или иначе, но когда в первый раз встал вопрос об избрании Менделеева в академики (это было в 1874 году), Веселовский применил хитрый ход: он добился, чтобы на голосование был поставлен вопрос не об избрании Менделеева, а о передаче одной из имевшихся вакансий для химика. Академики отказали в передаче вакансии, и таким образом был отведен вопрос о кандидатуре Менделеева, на которой в особенности настаивал академик Бутлеров.

Ни для кого не было секретом, что академики размежевались по двум партиям: «русской» и «немецкой». Но тот же Бутлеров, которого считали, так сказать, неформальным лидером «русской» партии, заявлял: «В своем научном развитии я многим обязан западноевропейской науке и привык относиться к ней с должным уважением. С другой стороны, с прошедшим нашей академии связаны столь блестящие имена, чужие по звуку, но родные нам по великим заслугам пред Россией, что нельзя не преклоняться пред ними с полным уважением. Я был поэтому весьма далек от каких-либо скороспелых выводов, основанных на внешности...»

В октябре 1880 года группа академиков физико-математического отделения, возглавляемая Бутлеровым, выдвинула кандидатуру Дмитрия

Ивановича Менделеева на освободившуюся вакансию по химии. Подписанное академиками представление гласило: «С согласия Господина Президента мы имеем честь предложить к избранию члена-корреспондента Академии профессора С.-Петербургского университета Дмитрия Ивановича Менделеева». Упоминание о согласии президента означало, по меньшей мере, положительное его отношение к избранию Менделеева – да никто в этом и не сомневался!

Голосование по кандидатуре Менделеева на собрании физико-математического отделения происходило 11 ноября 1880 года. Как и полагалось, голосовали шарами: опущенный в урну белый шар означал «за», черный шар – «против». При этом Литке как президент, согласно уставу, имел два голоса. Результаты голосования изумили: в протоколе сказано: «г. Менделеев соединил в свою пользу 9 избирательных голосов против 10 неизбирательных. Вследствие сего он признан неизбранным». Хотя голосование было тайным, но вскоре всем стало ясно, кто как голосовал. Голосование Литке удивило даже самого Веселовского, который записал: «Всего курьезнее было то, что Литке, не согласившись отклонить своею властью баллотировку, положил Менделееву при баллотировке свои два черных шара».

Российская общественность – и не только научная – была возмущена неизбранием Менделеева, научные заслуги которого были неоспори-

мы, и избранием на вакантное место какого-то второстепенного шведского химика.

Понял ли восьмидесятирехлетний Литке, какой непростительный промах он совершил? И каковы причины этого поступка? То ли шары перепутал, то ли урны? То ли и вправду поверил, что Менделеев – всего лишь «чемоданных дел мастер»? То ли подвело здоровье – к этому времени адмирал почти полностью ослеп и оглох? Но еще полтора года он не решался сделать единственно верный в его положении шаг – подать в отставку.

Александр III сохранил за ним пост члена Государственного Совета, но это уже ничего не значило. Через неполных полгода после принятия его отставки знаменитый мореплаватель, воспитатель попавшего в опалу великого князя Константина Николаевича, основатель Русского географического общества, адмирал, генерал-адъютант, граф, полный кавалер всех российских орденов, почетный член многих российских и зарубежных научных обществ и университетов Федор Петрович Литке ушел в свое последнее плавание, из которого не возвращаются.

□

Владимир Вениаминович ВЕЙХМАН

родился в 1934 г. в г. Хабаровске.

После окончания в 1957 г. Ленинградского высшего инженерного морского училища им. адмирала Макарова работал помощником капитана на рыболовных судах, более 40 лет преподавал в морских учебных заведениях.

Кандидат технических наук, доцент.

С 2000 г. живет в Израиле.

Член Союза русскоязычных писателей Израиля.

Большая часть его литературных произведений посвящена морской тематике. Печатался в литературно-художественных журналах, альманахах и сборниках в России и в Израиле.

В 2002 – 2010 гг. опубликовано пять книг его документальной и научно-художественной прозы, две книги стихотворений.

